

Гермиона нервно ёрзала на диване перед большим экраном. Она боялась того, как её родители могут отреагировать на эти изменения, и ничего не могла с этим поделать. Мама всё лето была недовольна из-за чего-то, связанного с волшебством, и хоть она и старалась это скрыть, Гермиона все равно иногда замечала, как она хмурится, глядя на её книги и пергаменты. А теперь еще это происшествие с зельем, из-за которого у неё теперь есть рога и лишний глаз. Вот что теперь будет? Наверняка же, ничего хорошего!

Она бы и дальше продолжала себя накручивать, но жалобный скулёж домашнего зверька дедушки Тенмея отвлёк её. Животное нежно ткнулась ей в колено, настойчиво требуя ласки. Ну... настолько нежно, насколько могло такое существо. Колючка — как дедушка называл своего питомца — выглядел как дикобраз размером с дикого кабана, с зубастой пастью и бычьими рогами. Хагриду бы он понравился. У Гермионы не было ни малейшего понятия, как такую зверюгу удалось приручить, но успех был налицо — дикобразике вёл себя как добрая собака, только что хвостом не вилял за отсутствием такового.

Тихо вздохнув, девочка погладила зверя по макушке. Из-за размера его колючки были куда менее опасны, чем у нормальных родственников, так что она ничем не рисковала. И вообще, несмотря ни на что, Колючка был очень миленьким.

Тенмей что-то набрал на компьютере, после чего присоединился к ней на диване. Увидев, что хозяин занял своё место, Колючка отошел от Гермионы и улёгся на коврик у его ног. Судя по следам когтей, это было его законное место.

За последние пару часов Гермионе удалось кое-что узнать о своём дедушке, например то, что он был куда старше, чем она могла предположить. Нет, конечно, на вид его вообще нельзя было назвать чьим-то дедом, но думать, что он очень-очень хорошо сохранился для своих шестидесяти или семидесяти, это одно, а узнать, что на самом деле речь идёт о нескольких веках — совсем другое. И за эти века он успел накопить целую кучу денег, что и понятно, ведь долгожитель должен планировать далеко вперёд. Кроме того, деньгами всё не ограничивалось, и если директор Дамблдор, похоже, в волшебном мире превосходил его по влиянию, то связи Тенмея Микогами в правительствах обычных стран было намного-намного больше. Об этом говорило хотя бы то, что связь с её родителями будет шифроваться с помощью технологий, которые предоставило Британское разведывательное управление.

Что на самом-то деле наводило на некоторые вопросы.

— Оджи-сан... — неуверенно начала Гермиона. — Что МИ-5 известно о волшебном мире?

— Наверное, побольше, чем большинству волшебников, — хмыкнул он, похоже, ничуть не удивившись вопросу. — В наше время разведки западных стран частенько вербуют себе агентов из числа разочаровавшихся магглорожденных. Кроме того, граница между волшебной и не волшебной преступностью куда более размыта, чем между обывателями. Ну и, конечно, то, что с каждым годом старые маскирующие заклинания теряют свою эффективность, совсем не помогает делу сокрытия всего и вся. Причём проблема не в самой магии, а в тех, кто ею пользуется, ведь волшебники часто просто не понимают, на что способны современные технологии и, соответственно, не могут и защититься от этого.

— Вроде спутников, да? — спросила Гермиона, разглядывая окружающее их оборудование. — Мне всегда было интересно, как чары Ненаносимости действуют на спутниковую картографию.

— Плохо, и с усовершенствованием технологии становится всё хуже, — ответил Тенмей.

— Чары, заставляющие людей игнорировать увиденное, действуют в ограниченном диапазоне и совершенно бесполезны, когда в деле замешана автоматика. Заклятие Ненаносимости и его аналоги часто некорректно работают и с цифровой информацией. Последнее может приводить к опасным казусам, ведь когда такие сомнительные записи попадают к аналитикам разведок разных стран, это быстро вызывает тревогу. Даже если само место не видно, несоответствие между тем, что показывают записи, с тем, что видят разведчики на местах, приводит к закономерному результату. Например, во время Холодной войны русские обнаружили Хогвартс и решили, что на этом месте находится какая-то секретная база, замаскированная под руины замка. Как понимаешь, примерное расположение твоей школы быстро оказалось в списке целей их баллистических ракет на случай ядерной войны.

Услышав это, Гермиона почувствовала, как у неё пересохло горло. Как бы это ни было ужасно, но всё укладывалось в рамки банальной логики. Русские не могли видеть школу, но понимали, что там что-то не так, а военная паранойя чётко говорила, что там должно находиться что-то важное. Наведение ракет в тех условиях было совершенно естественным решением. А самое противное, что из-за Статута советские разведчики просто не могли опознать Хогвартс как гражданский объект.

— А как же российское министерство магии? Разве они не могли сообщить об этом? — спросила Гермиона, хватаясь за соломинку. — Или их собственные завербованные волшебники? Ты же говорил, что такие есть не только в Ми-5.

— Агенты у КГБ, безусловно, были, это верно, но тут еще сыграла привычка волшебных народов скрывать подобные места даже от друг друга, поэтому их волшебники при всём желании не могли опознать Хогвартс. Кроме того, несколько десятилетий назад практика найма была более ограничена, чем сейчас, поэтому самих волшебников ради проверки никто гонять не стал, — хмыкнул дедушка, сверкнув своими острыми зубами. — Что же до Министерства... такого нет со времён развала Империи. Первая Мировая и последующая революция сильно прошли по волшебному обществу региона, так что большинство волшебников из западной части России эмигрировали в центральную Европу, остальные же расселились по диким уголкам Сибири, и уж чего-чего, а безлюдных мест там много. Шабаш ведьм, основанный бабой Ягой, поддерживает в тех местах порядок и Статут, но нельзя сказать, что это слишком сложное дело, и даже так общины ёкаев там остаются по большей части обособленными. Сейчас они, вместе с Японией, входят в то, что можно назвать «Азиатским блоком» волшебного мира. Это неофициальный Альянс как таковой, просто наши представители МКМ действуют в согласии друг с другом, пока нет противоречия интересов.

— Понятно... — пробормотала Гермиона, после чего смущенно опустила взгляд. — И спасибо, что отвлекаешь меня, отвечая на все эти вопросы. Я даже почти успокоилась.

— Всегда пожалуйста, Мина-тян, — ответил дедушка Тенмей со своей обычной ухмылкой злого оверлорда.

Экран ожил, и перед Гермионой возникло изображение хорошо знакомой гостиной с диваном, на котором сидели её родители. Гермиона нервно прикусила губу, когда мама сдавленно охнула и прикрыла рот рукой, во все глаза разглядывая её рога и третий глаз.

— Гермиона... боже, как ты, милая? Что с тобой случилось? — спросил папа, крепко сжав левую руку мамы. — Ты это имела в виду, когда писала о Людах-Х?

— Я в порядке, пап... правда. Это не мутация, но из-за несчастного случая у меня открылась... эм, или проявилась наследственность. Вот, — немного запинаясь, начала объяснять Гермиона.

— Мам, пап, это Тенмей Микогами, директор Академии Ёкай, японской волшебной школы, в которой волшебных существ учат сосуществовать с обычными людьми. Он твой отец, мама...

— Спасибо, Гермiona, но не думаю, что я заслуживаю последнего титула, — произнес дедушка, внимательно смотря на её мать. — В конце концов, я не помогал Даниэль растить вас, миссис Грейнджер.

— Просто Дездемона или Дез, пожалуйста, — решительно потрянув головой, сказала её мама. — Ситуация и так достаточно неловкая. Кроме того, на сегодня с меня хватит аристократической учтивости. Не в обиду, мистер Стоктон, — добавила она, глянув куда-то в сторону.

— Никаких обид, Дездемона, и, пожалуйста, зовите меня Джон, — раздался незнакомый голос из-за границы изображения.

— Итак, — продолжила мама, снова переведя взгляд на дедушку. — Пожалуй, я готова с тобой познакомиться, если ты, конечно, этого хочешь. Моя мать чётко дала понять, что рассталась с тобой до того, как узнала о беременности, и никогда больше тебя не видела. Она знала о том, кто ты есть?

— Я очень рад этому Дез-тян, — кивнул ей Тенмей. — Что же до твоей матери, думаю, у неё были некоторые подозрения на мой счёт, хотя, скорее всего, она считала, что я просто занимаюсь чем-то противозаконным. Из-за моих дел в волшебном мире я частенько пропадал в местах, недоступных для Даниэль, что ей, в конце концов, надоело, и она решила разорвать наши отношения. Так как мы принадлежали к разным видам, я решил не удерживать её. Всё же в случае таких союзов есть сложности для обеих сторон, и если чувства не держат крепко... — он на мгновение затих, после чего продолжил, меняя тему: — Прежде, чем ты спросишь об этом, мы всегда соблюдали предосторожности...

— Но они не сработали, чему я несказанно рада, — оборвала его мама. — К вопросу о разных видах. Рога — это достаточно очевидная деталь, следовательно, должны быть и другие отличия от людей, но в таком случае почему ни один медицинский осмотр не обнаружил ни во мне, ни в Гермione ничего необычного?

— Ну, это несложно, — ответил Микогами, слегка пожав плечами. — Дело в том, что в то время я решал кое-какие дипломатические проблемы, из-за чего мне было необходимо постоянно оставаться в человеческом облике даже при пересечении разнообразных магических защит. Чтобы достичь этого, я нанёс на себя печать трансформации, которая плотно переплетается с внутренней магией того, на кого действует, и не прекращает работу, если её специально не разрушить. Она была настолько сильно связана со мной, что передалась по наследству сначала тебе, а затем и Гермione. Если бы не несчастный случай, то она бы никогда и не узнала, что чем-то отличается от обычной волшебницы.

— А сама эта...гм... эволюция, постоянное явление? — поинтересовался Росс.

— Да, и я бы не советовал пытаться повторно нанести подобную печать ближайшие лет десять. Хотя Гермiona по большей части здорова, преобразование стало сильным шоком для её организма. Такое бесследно не проходит. Можете не волноваться о том, что она не сможет вписаться в человеческое общество. Я могу научить её скрывать свою суть, — произнёс Тенмей. Одновременно с этим рога дедушки будто бы прильнули к черепу, исчезнув из вида, цвет волос перешёл от пепельного к соломенному, а золотое сияние радужки глаз скрылось за обычной синевой. — Этим пользуются большинство ёкав, чей облик слишком выделяется.

— Папа, я знаю, что с этим тяжело справиться, у меня самой была истерика, когда я первый раз увидела себя в зеркале, но на самом деле всё не так уж плохо. Я такая же, как раньше, — решительно произнесла Гермiona, после чего чуть смутилась и добавила: — Пусть даже теперь я немного сильнее люблю мясо.

— Я и не сомневался, мой маленький книжный вирм, — мягко улыбнулся ей Росс, назвав старым детским прозвищем. — Так что, получается, твой дедушка похож на профессора Ксавьера?

— Ну, наверное, — Гермiona покосилась на весело усмехнувшегося деда, — хотя я еще мало видела, и у многих ёкаев, похоже, есть культурные и гастрономические сложности, с которыми не так просто справиться, но те, с кем я познакомилась, очень стараются.

— Мистер... отец, а какому виду ты принадлежишь? — спросила Дездемона. — Рога заставляют думать о японских людоедах Они.

— Можно сказать, что Они наши двоюродные братья, — ответил Микогами. — У этого родства слишком длинная и деликатная история, чтобы сейчас в неё углубляться. На британских островах нам подобные известны как фоморы.

— Название с длинной историей, — пробормотал Росс. — Но я достаточно хорошо знаком с кельтской мифологией, чтобы знать, как сильно они были искажены христианскими переводчиками. Полагаю, на них не стоит опираться без оглядки.

— Действительно, — благожелательно кивнул Тенмей. — На самом деле, я думаю, стоит продолжить этот разговор при личной встрече. Гермiona сказала мне, что вы планировали отправиться в отпуск, в то же время мне нужно отвезти её к своему старому другу. Так что я предлагаю нам всем встретиться через два дня в усадьбе его клана, которое находится в Гонконге.

— Гонконг? — повторила Дездемона. — Это будет не так...

— Это возможно, — прервал её Росс. — Если я правильно помню, до Гонконга идёт двенадцатичасовой рейс. Наверняка сегодня или завтра найдется один со свободными местами. Кроме того, для небольшой туристической поездки в Китай виза нам не нужна.

— Именно, и я уже взял на себя смелость забронировать вам два места бизнес-класса в Катей Пасифик. Отлёт из Хитроу в четыре часа дня, — добавил Микогами.

— Мы можем сами... — начала возражать Дездемона.

— Пожалуйста, не надо, Дез-тян, — прервал её Тенмей, подняв ладонь. — Вы моя семья, и у меня более чем достаточно денег на такие мелочи. Если для тебя это принципиально, то считай это подарком на Рождество.

— Мам, пап... — пробормотала Гермiona, нервно ерзая на диване.

— Мы всё обсудим, когда увидимся, малышка. Помни, что мама и папа любят тебя несмотря ни на что, и не волнуйся, мы встретимся в ближайшие пару дней, — успокоил её отец. — Мистер Микогами, пожалуйста, позаботьтесь о ней.

— Непременно, — кивнул ему Тенмей.

— Береги себя, Гермiona, — сказала Дездемона, улыбнувшись дочери. — Скоро увидимся.

Глядя на женщину, которая двигалась к ним через зал аэропорта, Дездемона ощущала некоторую неловкость и толику чисто женской зависти. Блондинка, одетая в строгий деловой костюм, который только подчёркивал изгибы её идеального тела, просто излучала сексуальность. Плавные движения завораживали своей кошачьей грацией.

Видя перед собой такую картину, Дездемона невольно подумала о том, что в такой компании неплохо бы повнимательней приглядеть за Россом. Если уж от присутствия этой леди пробирало даже её саму, хотя она и никогда не проявляла интереса к собственному полу — ну, если не считать пары экспериментов в студенческие годы — то что уж говорить о мужчине.

— Здравствуйте, мистер и миссис Грейнджер, — с обворожительной улыбкой произнесла женщина, протягивая им свою визитку. — Я Ишет* Блэкроуз из фирмы Финч и Блэкроуз. Наша компания предоставляет все виды юридических услуг.

— У нас какие-то проблемы, госпожа Блэкроуз? — собрано и по-деловому спросил Росс.

— Пока я здесь только для того, чтобы доставить ваши проездные документы, мистер Грейнджер, но, к сожалению, вынуждена сказать, что это именно «пока», — ответила адвокат. — В законодательстве той группы «отшельников» есть несколько пунктов, о которых слишком часто «забывают» сообщить родителям особенных детей. Я подготовила некоторую информацию, с которой вам не помешает ознакомиться во время полёта, — произнесла она, протянув Россу мантильскую папку.

— Благодарю вас, госпожа Блэкроуз, — вежливо кивнула ей Дездемона. — Если не секрет, вы родственница Джона?

— Нет, но можно сказать, что у наших с Джоном семей общий круг общения, — сказала Ишет, весело сверкнув глазами.

В ответ на это Дездемона не смогла сдержать улыбку. Без сомнения, за этой привлекательной обёрткой скрывалось гораздо больше, чем могло показаться на первый взгляд, и речь не только о видовой принадлежности.

«Судя по её словам, она не вампир, как Джон, но и не человек, — подумала Дездемона. — Если эта аура агрессивной сексуальности не только для фасада, то, возможно, она из каких-то существ-соблазнитель? Звучание имени напоминает об иврите... возможно, суккуб?»

— Здесь ваши билеты, — произнесла Ишет, вынув конверт из своего портфеля. — Также там есть список контактных номеров, которые могут быть полезны во время вашего путешествия. Кроме того, я убедилась, что представитель семьи Хуан встретит вас в аэропорту. Желаю вам приятного полёта.

Проводив Грейнджеров до таможни, Джон и Ишет неспешно отправились на выход из аэропорта.

— Как у нас дела? — спросила Ишет на иврите.

— Всё в порядке, но, как ты и сказала, это только «пока», — ответил Стоктон на том же языке.

— Старый проныра, наверное, думает, что так как девочка больше не в Британии, то вопрос можно считать временно закрытым, но это вряд ли панацея. Кроме того, ходят слухи о том, что змеемордый еще не мёртв.

Конечно, смена языка пахивала дешёвой конспирацией, от которой в реальности нет никакого толку, но они оба отлично знали, что среди британских волшебников найдется едва десяток тех, кто неплохо владеет ивритом, так что в сочетании с некоторыми более эзотерическими методами эта мелочь давала неплохую защиту от лишних ушей. Особенно если обходиться без имён.

— Девочка — подруга того мальчика, верно? — задумчиво спросила Ишет.

— Да, и это еще один повод для старого пройдохи, чтобы попытаться держать её подальше отсюда. Такая дружба может стать знатным поводом для брожений. Так и вижу заголовки в их желтой газетёнке о том, что «темные твари» развращают их пресветлого героя, — произнес Джон, криво усмехнувшись. — Кстати говоря, ты не могла бы провести расследование дел мальчика в обоих мирах? Если там есть хоть что-то компрометирующее, это может нам пригодиться.

— Сделаю, но если мы не хотим привлечь лишнее внимание, действовать нужно осторожно... и за это ты будешь должен мне свидание, — сказала она, хитро улыбнувшись ему, после чего уже серьезнее добавила: — Думаешь, они вернуться?

— Согласен, обеспечу всё по высшему разряду, ароматические свечи, лепестки роз, всё, как ты любишь, — серьезно кивнул он. — Что же до наших новых друзей... да, думаю вернутся. В школе что-то происходит, и мальчик вряд ли останется в стороне. Если девочка, как и её мать, пошла характером в деда, то она захочет помочь, а уж упрямства убедить родителей ей хватит. К тому же ни Росс, ни Дездемона не производят впечатление тех, кто легко отступает перед лицом трудностей.

— Что ж, в таком случае я подготовлю документы для попечительского совета, — кивнула Ишет. — К счастью, Министерство не дискриминирует вид девочки, как наши.

— Пока, — отметил Стоктон, слегка сморщив лоб.

— Твоя правда, — вздохнула Блэкроуз.

— Росс, ты читал раздел о опекунах? — обеспокоено спросила Дездемона, спустя несколько часов полёта.

Он отложил в сторону свою копию документов и мрачно кивнул. Бумаги, предоставленные госпожой Блэкроуз, прояснили многие вопросы, на которые они не могли найти прямых ответов в доступных волшебных источниках. По правде говоря, создавалось впечатление, что большинству волшебников не было дела до юридических тонкостей, поэтому Визенгамот

разбирался с делами по большей части без стороннего участия. Вот только насколько Росс мог судить, Визенгамот представлял собой обрезанную версию обычного Британского парламента, с одной только палатой лордов, без каких-либо ограничителей и конкурентов. Соответственно, и стимулов для эффективной работы у этой организации было мало.

Больше всего их с женой беспокоил вопрос о магическом опекуне. По умолчанию, в Хогвартсе эту роль исполнял директор, в чём на самом деле не было ничего удивительного. В большинстве английских школ-интернатов обычно использовалась точно такая же схема. Проблема была в том, что для магглорожденных детей всё простиралось куда дальше, чем для потомственных волшебников. Ишет специально отметила, что этот закон никоим образом не гарантирует права не волшебных родителей. Конечно, обычно ребёнку позволялось продолжать жить в своей семье, но в любой момент министерство могло в одностороннем порядке принять решение о передаче магглорожденного под ответственность подходящего магического опекуна с целью обеспечения должного уровня образования ребёнка.

Росс понимал, что в те времена, когда этот закон был принят, он имел большое значение, ведь в суеверном обществе прошлых веков юные волшебники могли оказаться в опасности со стороны собственных родителей. Такое даже было весьма вероятно. Беда была в том, что, как и многие иные вещи в волшебном мире, со времён своего принятия этот закон никак не развивался. Его очень давно не применяли, по иронии судьбы как раз из-за политики последователей чистоты крови, которым бы и в страшном сне не привиделось заботиться об образовании «грязнокровок», но в то же время его не привели в соответствие с современными реалиями и не отменили.

— Они в любой момент могут забрать её, а мы об этом даже не вспомним, — прошептала Дездемона. Росс слышал страх в голосе жены. — Что, если... что, если тот отвратительный мужчина захочет получить её, просто чтобы насолить тем, другим?.. Мы же...

Росс взял Дездемону за руку и нежно сжал, стараясь её успокоить. Воспоминания о встрече с Люциусом Малфоем никогда их не радовали, а уж сейчас...

— Мы что-нибудь придумаем, — решительно произнес он.

— Я... да, ты прав, — она глубоко вздохнула и посмотрела ему в глаза. — Что, если я попрошу отца убрать ту вещь?

Росс напрягся. Та вещь. Печать, которая делала её человеком. Если печать больше не будет сковывать её магию, то этот закон не будет им угрожать.

— Давай сперва посмотрим, есть ли у нас иные варианты, но если ты решишь так поступить, я обещаю, что это ничего не изменит, — произнес он, снова сжав её ладонь, после чего проказливо улыбнулся и подмигнул. — Кроме того, судя по нашей дочке и твоему отцу, мне вряд ли будет на что жаловаться, не так ли?

Дездемона слабо хихикнула, наклонилась к нему и поцеловала в щеку, после чего откинулась на спинку своего кресла, отложила бумаги и умиротворённо прикрыла глаза. Посмотрев на нее, Росс нежно улыбнулся и поступил точно так же. Им следовало отдохнуть, пока была такая возможность. Похоже, ближайшие дни будут очень напряженными.

* - Ишет (Эйшет) Зенуним - демоница еврейского происхождения. Одна из ангелов проституции, согласно Каббале. Она считалась одной из жён Сатаны. Ишет Зенуним - спутница

Самаэля, жена блуда, - рассматривая в едином аспекте, их называют "Зверем", Хивой (Чивой).

<http://tl.rulate.ru/book/30207/648405>